

Ответственность человека и искусственный интеллект. Дискуссия в рамках семинара «Перформативность»

Михаил Зятин: Мы только что говорили об эффекте присутствия. Это то, что как правило выделяется в новых медиа, в театре, виртуальной реальности, подлинной реальности. У меня есть ощущение, что когда нет присутствия, то эффект присутствия есть. Точно так же мне кажется, и я попробую это показать, что разговор об искусственном интеллекте – это ожидание эффекта думанья без думанья. Недавно Киссинджер написал довольно любопытную статью про искусственный интеллект, где он говорит о том, что искусственный интеллект приведет к концу просвещения. Он историк, ничего не понимает в искусственном интеллекте, но в какой-то момент собрал людей и они начали говорить, и то, что они наговорили, то он в принципе и рассказал в статье. И его мысль состоит в том, что, как оказалось, персональное мышление исчезает. То есть некая персональность мышления превращается в сервис. Значит, есть некий сервис, «персонализация поисковых запросов», например, и это не имеет никакого отношения к собственному мышлению, к тому, как его понимало Просвещение, как некую ответственность (перед самим собой) – жить собственным разумом, думать самому. Если посмотреть на то, что происходит в сфере искусственного интеллекта и вообще в прикладной сфере, то это похоже на некое организованное желание избавиться от этого вызова Просвещения. Как человек, который занимается искусственным интеллектом, я наблюдаю, что у тех машин, которые мы строим, всилу того, как мы их строим, есть очень забавная особенность – совершенно невозможно понять, как именно они что-либо делают. Это очень сложно. И, более того, мы их строим не для того, чтобы понять что-то. То есть, существу-

ет целая индустрия, которая создает что-то, что принимает некие решения (вернее что-то, действие чего мы интерпретируем, как принятие решения), потому что в конечном счете, эти нолики, единички, они передаются на какие-то управляющие машины, а потом машина сбивает кого-нибудь. В целом эта ситуация, судя по всему, вполне устраивает людей в индустрии. То есть, по сути получается, ИИ становится своеобразным лицом, частью репутации, то есть компания использует ИИ... (Я как то был на одном семинаре про Occure Wall Street. Там люди говорили, что им нужен искусственный интеллект, они в нем не разбирались, они просто хотели, как люди хотят, чтобы им сделали сайт, например. В начале нулевых все в какой-то момент стали говорить, что им нужен сайт.) Всем нужно вот это что-то, что будет принимать решения, за которые никто отвечать не может и не будет, потому что его так построили, что оно ни за что не отвечает. Как мне кажется, эта ситуация в чем-то принципиально обратная перформативному повороту, который в целом оперирует некоторой ответственностью. Нечто важно, потому что я на это смотрю и потому что я это вижу. Вот эта ситуация, которую я хотел бы обсудить.

Олександр Герасимов: У мене склалося враження, що сама проблема штучного інтелекту, по-перше, є таким маркетинговим ходом, а по-друге, дещо перебільшена. Прості алгоритмічні функції виконуються дуже багатьма людьми в світі без штучного інтелекту, а тому, що в них така роль. І насправді якщо він з'явиться, замінить цих людей, то в тих людей, які можуть діяти перформативно, з'явиться більше можливостей.

Михаил Зятин: Я с вами согласен. Это действительно маркетинговая штука. Вопрос – почему так? В чем очарование вот этой штуки, которая явно же не думает. Искусственного интеллекта нет, есть какие-то инструменты, Siri, например, которую кто-то конструирует. То есть, по сути – никакого обывательского, собранного на колена-

ке, потому что мне интересно, мне так хочется, его нет. Какие-то хамеры есть, но это очень узкая штука.

Нелли Корниенко: Известно, что определенный порядок компьютерного поиска или на базе компьютера, показал, что — я буду упрощать — электронная материя начинает работать, как самоорганизующаяся, вдруг начинает выдавать то, что можно, пусть в кавычках, ассоциативно, назвать эмоцией. В закрытых программах есть такие свидетельства. Что вы думаете по этому поводу? Возможна ли технически такая технология, которая приближается к живому началу? Как вам кажется?

Михаил Зятин: Я не вижу ничего, что близко подбиралось бы к такому, и я вижу некоторую проблему в том, что многие исследователи хотят наделять...

Нелли Корниенко: ...антропологизировать...

Михаил Зятин: Да, это на самом деле очень интересно, потому что это та вещь, которая действительно ближе, и, может быть, интереснее людям, занимающимся гуманитарными проблемами. Здесь есть забавная штука. Есть декларируемый трансгуманизм. Вот мы трансгуманистичны, да... а с другой стороны, это очень антропоморфная штука. Когда мы говорим антропоморфная, это может означать — а какого человека вы себе представляете? Мне неизвестно ни одно исследование, которое сколь-нибудь близко подбиралось бы к процессу создания чего-то подобного. Мне гораздо интереснее процесс ожидания. Я не вижу ничего подобного ИИ в ближайшей перспективе, я вижу людей, которые говорят, что это завтра, уже... и вот оно уже обыграло человека в Го. Как это круто. Как это невероятно. Но давайте подумаем. Го зачем было придумано? В чем утилитарность игры? В том, чтобы понять что-то вне игры. То есть научиться играть в Го и пойти выиграть сражение. Или, например, игра под названием «Японское чаепитие» была сделана для того, чтобы люди хорошо вооруженные не воевали, а иног-

да обсуждали какие-то вещи друг с другом. Устраивать диалог, да? Соответственно, как тут можно выиграть? То есть понятно, что все это можно приводить в споре и ставить вопрос о легитимности. Но это же оптика. Любой человек, занимающийся искусственным интеллектом, решает задачи оптимизации, поэтому во всем видит оптимизацию, во всем. Хотя Го и красота никакого отношения к оптимизации не имеют. Что вы там выиграли и в каком смысле? ... Недавно самоуправляемая машина сбила женщину. При чем, она эту женщину видела. Ну, она видит не женщину, женщин она видеть не умеет. Она увидела препятствие. Почему она ее сбила? Потому что инженеры играли в следующую штуку: бывает, летают пакеты, перекаати-поле, чего останавливаться? Это же перекаати-поле. Инженер отвлекся, он куда-то уставился, машина тем временем обнаружила большой объект, который выходит на дорогу и приняла решение ехать дальше, потому что это несущественно. Я думаю, стоит поставить вопрос о созерцании. (Почему мы так называем зрение, вот это компьютерное зрение, — зрением?) Вот увидела машина какой-то странный объект, а что сделает разумный человек — он остановится, посмотрит, бежит оно дальше или нет?

Лариса Венедиктова: А тебе не кажется, что это имеет отношение к памяти. У разумного человека есть память: если мне что-нибудь непонятно, то я останавливаюсь, я так уже делал, мне помогало. Даже не опыт, а вот именно память. А у этих машинок, у них памяти нет, то есть всю же память в них не вложишь, ты не можешь им отдать все, потому что ты не знаешь, что такое все. Мне, или кому-то из нас, кажется, что искусственного интеллекта никогда не будет, потому что человек себя не знает. Как он может сделать какого-то чувака, если он про себя ничего не знает. Или знает очень мало.

Михаил Зятин: Да, конечно. Но речь идет о том, что он должен хотеть остановиться. Мы должны решить, что он должен останавли-

ливаться. То есть, собственно говоря, это проявление нашей разумности, не его разумности.

Лариса Венедиктова: У него нет разумности.

Михаил Зятин: Если обращаться к индустрии, то смысл не в том, чтобы эти машины были самоуправляемы, а чтобы они управлялись иначе. Грубо говоря, если возникла какая-то странная ситуация, останить и спросить у водителя. Вот ты скажи, дескать, у нас такой расклад, мне давить старушку или младенца. Выбери. А я не могу. Ты выбирай. Ты водитель. Ты заплатил. Ты решаешь.

Олександр Герасимов: Это классическая проблемма. В юридических вузах изучают эту проблему. Кого давить. Проблема этическая.

Лариса Венедиктова: Это она для человека этическая.

Михаил Зятин: Мы должны делать эти вопросы явными. И кто-то должен отвечать. Да, так нужно строить экономику. За какие-то решения отвечает разработчик, какие-то решения принимает пользователь.

Лариса Венедиктова: Ты сказал вначале, что история с ИИ заканчивает проект Просвещения и вообще отменяет Просвещение как таковое, а тебе не кажется, что она усугубляет этот вопрос в том, что касается самостоятельного мышления.

Михаил Зятин: Да, я думаю, что она одновременно его усугубляет и поэтому очень многие вещи выглядят как конвульсии — не, не хочу... потому что приходится думать.

Лариса Венедиктова: При чем приходится думать еще серьезней, потому что одно дело, когда ты за рулем и ты рассчитываешь на свой опыт, на свою память, на свой разум. И, мало того, ты можешь среагировать неожиданным для себе образом, но правильно. А тут как? Ты должен все предсказать.

Михаил Зятин: Я думаю, здесь такая же штука, как и с телом. Вот еще в начале двадцатого века, когда стали изучать тело и поняли, что там такое фазовое пространство возможных движений, что

невозможно его предсказать. То есть нужна обратная связь. Хотим, мы этого или не хотим, мы не можем без обратной связи. Если б мозг занимался тем, что планировал движения моей руки, я б только вот этим и занимался. Все это время я вычислял бы, как движется рука. То есть некая необходимость обратной связи должна учитываться.

Олександр Герасимов: Смотрите, если вернуться к древнегреческому театру, там получалось 30 тыс. свободных граждан могли собраться в одном месте и получить это пространство взаимодействия с актерами, проблемами и решать их три дня. Скажите, вот сейчас, когда средства коммуникации развиваются, а на самом деле они только начали развиваться, только началась настоящая цифровая революция, нельзя ли представить, что, допустим, благодаря тому, что будет эффект присутствия, будет 6G или 8G, достигнет такого масштаба, что, например, некое событие, оно может быть полукино, полувывава, еще и с присутствием зрителя, полностью осязаемым, который чуть ли не на сцене сидит, как в восемнадцатом веке. Возможно такое, на Ваш взгляд, и как это поменяет все вообще?

Михаил Зятин: Я здесь не вижу никакой сложности, во-первых. Ну, то есть это просто, видимо, коммерчески не очень выгодно. С другой стороны... проблема не в эффекте присутствия. Я готов себя убедить, что я присутствую или не присутствую. Моя позиция состоит в том, что надо присутствовать, то есть не довольствоваться каким-либо эффектом присутствия, а присутствовать, а тут уж сам каждый решает, что для него присутствие, что для него действие. Эффект присутствия ничего не решит. Вот моя точка зрения. Потому что это на самом деле легко реализовать и это постоянно происходит. Мы постоянно оказываемся в режиме эффекта присутствия и ничего нового в этом нет. Новыми могут быть какие-то бизнес-модели, модели дистрибуции этого контента, но я здесь не вижу ничего такого. Ничего я в этом не вижу.

Лариса Бабій: Ти казав, що штучний інтелект в якомусь сенсі протилежний перформативності.

Михаил Зятин: Ожидания от него. Вот этот азарт создания искусственного интеллекта во многом, кажется, связан с тем, что люди хотят куда-то отдать свое мышление. Но это не свойство самих этих функций.

Нелли Корниенко: А может быть, наоборот — это не желание отдать, а, как всегда, когда что-то появляется как очень конкурентное мозгу, то это провоцирует более усовершенствованный, более сложный процесс мозговой деятельности.

Михаил Зятин: У нас с моим другом есть проект математического образования. Мы ищем разные способы учить людей математике, не втолковывая им математику. Мы ищем способ обнаруживать математику. Тут очень важен вопрос, что вообще такое — научить думать, можно ли заставить думать, можно ли поставить в ситуацию, в которой человек поймет, что он, во-первых, в ситуации неожиданной, то есть надо как-то думать, а во-вторых, что это его мышление, то есть что его мышление — важно.

Лариса Бабій: Моє питання мабуть не настільки пов'язане зі штучним інтелектом, але воно в такому вигляді з'явилося в мене зараз, воно про зв'язок між свободою і відповідальністю. Якщо ти віддаєш свою відповідальність машині, що буде водити машину за тебе, що це робить із власною свободою?

Михаил Зятин: Мне кажется, что можно передать управление, не передавая ответственность. Об этом и речь...